УДК 801.8; 811.112
DOI 10.17223/19986645/34/7

Г.Н. Старикова

ОТЧЕТ И. ПЕТЛИНА О ПОЕЗДКЕ В КИТАЙ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК[1]

Статья посвящена выявлению лингвистической содержательности источников, сообщающих о поездке томского казака Ивана Петлина в Китай в 1618 г.: двух росписей, расспросных речей, сказки служилых людей. В ней отмечена жанрово-содержательная специфика документов, указаны их источниковедческие возможности в освещении некоторых вопросов истории русского языка. Ходом анализа доказывается, что изучение лексической презентации инокультурного мира, особенностей номинативного и грамматического варьирования языка конца старорусского периода – наиболее перспективные направления исследований на материале этих документальных источников.
Ключевые слова*: лингвистическое источниковедение, лингвистическая содержательность, история русского языка.*

Позднее Средневековье в России явилось временем установления дипломатических контактов с иностранными государствами. От этой эпохи дошло большое количество посольских отчетов, представленных разнообразными жанрами делопроизводства (статейные списки, сказки, расспросные речи, вести, отписки). Наиболее полный обзор данных памятников (состав и содержание, история изучения, публикации текстов), хранящихся в фондах РГАДА (г. Москва), дан Н.М. Рогожиным и А.А. Богуславским [2]. Как показано ими в разделе «Библиография», эти ценные источники начинают вовлекаться в орбиту научных исследований (прежде всего историков) уже с конца XVIII в. Лингвисты обратили внимание на них сравнительно недавно, сосредоточив его преимущественно на проблемах развития делового языка и его влияния на складывающийся русский национальный язык – не случайно Д.С. Лихачев указывал, что «литература и деловая письменность борются в этих посольских повестях, попеременно одолевая друг друга» [3. С. 346].

Материалом для большей части лингвистических исследований послужили тексты отчетов посольств в европейские государства [4; 5; 6]. Практически не востребованными языковедами оказались аналогичные жанры деловой письменности конца XVI–XVII в. (время активного установления торгово-дипломатических отношений России с азиатскими странами), отражающие контакты русских служилых и торговых людей с кочевыми народами (калмыками, «мугалами» и др.), а также визиты посланников «белого» царя ко дворам правителей сопредельных юго-восточных земель. Н.Н. Оглоблин, обозреватель архива Сибирского приказа, где в основном были сосредоточены эти памятники, отмечал их высокую ценность для науки – «не только для политической истории среднеазиатских владений XVII в. и наших сношений

[1] Настоящая статья развивает тематику предыдущей работы автора [1].

с ними, но и для географии и этнографии Центральной Азии» [7. С. 319.]. Как представляется, эти памятники чрезвычайно информативны и для истории русского языка.

Объектом нашего исследования стал отчет Ивана Петлина о «проведыванье пути в Монголию и Китай», состоявшемся в 1618 г. Это был томский казак – вне сомнений, грамотный, с незаурядными личностными качествами. Об этом свидетельствует не только факт руководства им экспедиционным отрядом из сибирских служилых людей и юртовских татар, но и его участие в 1609 г. в дипломатическом посольстве к телеутскому князцу Обаку (Абаку), результатом которого стало принятие последним российского подданства. Рассказ И. Петлина о предпринятом в 1618 г. путешествии стал первым достоверным документом о поездке русских в Китай, содержащим важную информацию об этой стране, дороге в нее через Монголию. Уже в XVII в. он был переведен на ряд европейских языков, вошел в «Трактат о Московии» Дж. Мильтона[1]. По мнению В.С. Мясникова, «первые русские посланцы в Китай обогатили мировую географическую науку ценнейшими сведениями, явившись первооткрывателями сухопутных путей из Европы в Центральную Азию и Китай» [9. С. 24].

Полный набор документов, относящихся к этой миссии, был опубликован впервые в сборнике «Русско-китайские отношения», который и стал материалом для настоящей работы [8. С. 79–98]. Отчет томского казака о поездке представлен в нем двумя вариантами «Росписи Китайскому государству, и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам», созданными в 1619 г.: в Тобольске между 16 мая и 6 июля (далее – ТР) и Москве между 23 сентября и 10 ноября (далее – МР), «Сказкой томского казака И. Петлина на стане в слободе Солдоге о его поездке в Китай» (далее – СП) и «Расспросными речами в Приказе Казанского дворца томского казака Ивана Петлина с товарищами о их поездке в Китай» (далее – РР) от 23 сентября 1619 г., отпиской тобольского воеводы о возвращении служилых людей из Китая от 6 июля того же года, а также челобитной И. Петлина и А. Мадова о пожаловании за службу и выпиской в доклад Посольского приказа об их награждении, где имеется информация об этом походе (январь 1620 г.).

Основные сведения о путешествии передают первые три документа. Их тексты содержат изложение пути отряда от Томска до Большого Китая (Пекина), описание пребывания русской миссии в столице. Росписи отличаются подробностью «дорожной» части, где указаны маршрут экспедиции, время перехода между населенными пунктами, названия «землиц» и имена их правителей: *А от Черектина улуса ехати до улуса 5 ден, а зовут Бешут, а в нем князь Чекур. А от Чекурова улуса ехати до улуса 5 дни без [во]ды, а [у]лус зовут Гирют, а в нем князь Чечен-ноян. А от Чеченева улуса ехати до улуса 4 дни, а [у]лус зовут Тулан-Тумет, а в нем князь Тайку-Катун. А от Тайкина улуса ехати 3 дни до улуса, а зовут Югурчин, а в нем царь Бушукту. А от царя Бушкуты ехати до улуса 2 дни, до Желтых Мугалов, а [у]лус зовут Муголчин, а в нем княгиня Манчикатут да сын ее Ончун-тайчи, а не [дв]оем*

[1] Об иностранных изданиях отчета И. Петлина см.: [8. С. 32–33, 108–109].

живут (ТР, с. 79). Подобное изложение соответствует деловому жанру «роспись дороге (пути)», которые еще назывались дорожниками или путниками.

Росписи И. Петлина не являются эталонными образцами своего жанра, поскольку значительное место в них занимают описания виденного в чужеземной стороне, о чем речь пойдет ниже. Кроме того, они содержат информацию об услышанном во время поездки – так называемые «ведомости», иначе – «вести»: *Да нам же сказал в роспросе китайской подьячей бичечи: из-за моря де к нам прибегают манцы на кораблех по всякой год с товары, а манцы де к нам прибегают с Черново моря, с востоку и с полудни*» (ТР, с. 84). Или: «*Да нам же в роспросе сказал в Калге братской мужик татарин Куштук про Обь реку великую: Есть де река великая, имя ей Каратал, а по той де реке Каратале кочуют улусы Калга, а на вершине де на той реке Каратали кочует Алтын-царь с своими людьми. А та река Каратал в ту Обь великую реку впала, у тое де мы великие реки вершины не ведаем, ни устья не знаем; выпала де она из моря Чернаго, да опять пала в то ж море Чермное промеж сивером и востоком. А от Куротала де на той реке стоят два города каменных да улусы брацкие земля жилая, а на низ пошли улусы кочевные брацкие же* (МР, с. 90).

В расспросных речах «дорожник» состоит всего из нескольких предложений, описание пути дано в обобщенном виде: *Ехали они ис Томскаго острожку на Кирбицкую землицу степью б ден, а кирбицкой царь голдует государю, и, приехав в Кирбицы, сказали, что они посланы от государя в Китайское государство. И кирбицкой царь тотчас дал им корм и подводы и провожатых и отпустил их в Мугальскую землю к Алтыну-царю. И ехали они невеликими землицами кочевными до Алтына-царя 4 недели. <…> И Алтын-царь, дав им провожатых, и подводы, и корм, и радостно отпустил их в Лабинское государство к Мачикетуте-царице. И шли они до Лабинского государства к Мачикетуте-царице и к сыну ее 2 недели* (РР, с. 92–93). Такая часть, как «вести», в нем отсутствует.

Сказка, написанная на трех листах, представляет поездку наиболее кратко, но, в отличие от других документов, рассказ привязан к конкретным дням: *И они поехали ис Томского города о Николине дни вешнем, а ехали ис Томы <до> Киргиз <…> 10 ден ходу скорым обычаем <…> И всего шли от Томи до ворот, опричь простойных дней, 12 недель. А от ворот шли по городом до большого до китайского города 10 ден. И пришли в китайской город после Семеня дни <…> А пошли оне ис Китайского государства после Покрова святые Богородицы 10 дней спустя, и пришли в Томской город тово ж году о Троицыне дни* (СП, с. 91–92).

Отписка тобольского воеводы еще короче (1 лист), сообщает о посылке к царю Ивашки Петлина и Пятуньки Кызыла с документами (грамоты от китайского царя Тайбуна и Алтын-хана, чертеж, список (роспись) землям), а следом за ними – послов «Лобинского» государства в сопровождении Бурнаша Никонова. Челобитная томских служилых людей вполне соответствует формуляру этого жанра, в ней содержится просьба о награде за *службишко, и за терпенье, и за голод, и за всякую нужу* [9. С. 97]. Как свидетельствует выписка из дела Посольского приказа, *государь пожаловал Ивашку за службу и за изрон 25 рублев, другому [А. Мадову] 20 рублев, да по камке, да по сукну*

человеку, да и в оклад по рублю, да по чети муки, да по осьмине круп и толокна четь [9. С. 98].

Все сказанное выше обусловило наше обращение именно к первым трем из рассмотренных источников. Они содержат рассказ томского казака о Монголии и Китае, в котором он помимо географической информации отразил устройство виденных городов, организацию их обороны от внешних врагов, религиозную и торговую жизнь, сельское хозяйство, наблюдаемый быт, обычаи народов. Некоторые иллюстрации к сказанному: *А за рубежем стоит о стену город китайской каменной, а имя городу Широкалга, а воевода в нем князь Шубин, послан от царя Тайбуна на время. А город высок и хорош и мудр делом, а башни так же, что московские, высоки, а в окнах пушки и по воротам; а пушки коротки, и мелкого оружья много, и караул по воротам, и по башням, и по стенам стоят* (МР, с. 87). Или: *А овощи в Мугальской земле всякие: сады яблонные, и дыни, и арбузы, и тыквы, и вишни, и лимоны, и огурцы, и лук, и чеснок. А люди муской пол в Мугальской земле не чист, а женской пол чист добре; а платье носят по своей вере хорошо: бархатное и камчатое, а ожерелье у кафтанов у мущин и у женщин большие по плечам* (ТР, с. 80). Очень интересны сообщения о монгольской «княине Манчикатуте», которая пропустила отряд в Китай, Великой Китайской стене, называемой Петлиным Крым, Запретном («Магнитовом») городе императора.

Совпадая содержательно, указанные отчетные документы различаются степенью подробности изложения событий и, что немаловажно, языковыми средствами выражения сообщаемой информации. Например:

(ТР, с. 80).	(МР, с. 86)
Как затрубят в трубы, д[а] станут бить в *бубенцы*, да припадут на *коленцы*, да руками *сплеснут*, да *розхватят* руки, да *ударятца* о *середу*, да на *середе* л[е]жат с полчаса; а в те поры во храм *лести*, как поют, страх велик человека *возьмет* – неизреченно диво во храмех.	И как затрубят в трубы, да станут бить в *бубны*, да припадут на *колено*, да руками *сплескнут*, да опять *розмахнут*, да *падутца* о *среду*, да на *среде* лежат с полчаса; а в те поры, как поют, *итти* во храм, так велик страх человека *изымет* и неизреченное диво во храмех.

При том, что росписи представляют разные варианты одного текста, даже беглый анализ показывает бóльшую разговорность ТР по сравнению с МР, ср.: А во храм смотрить *пущают* всяких людей (ТР, с. 82) – А во храмы смотрить *пускают* всяких людей (МР, с. 88); *поклонитца* хотят (ТР, с. 80) – *поклонитися* хотят (МР, с. 86); есть де у нашего царя ирдени, *ночью* светит, что солнцо (ТР, с. 84) – есть де у нашего царя камень, день и *нощь* светит, что солнце (МР, с. 90). Примеры этого же типа: *от нее – от нея, свечи – свещи, колодези – кладези, серебро – сребро* и др. РР можно рассматривать как особую редакцию этого текста с выпуском отдельных его частей, более свободной формой описания событий. Ср. аналогичное процитированному выше место в РР: *А молятся, припадывая к земле, и встанут и восплещут руками и бьются в груди и кричат по-своему, сказывают, ужесть в те поры возьмет человека, а знать, что идолопоклонство* (РР, с. 93). Только здесь есть подведение общих итогов пребывания российской экспедиции в Пекине: *А жили они в Китайском государстве 4 дни. А честь им от китайского царя была:*

стояли на посольском дворе, и корм им был доволе и питья много. И отпустили их тою же дорогою (РР, с. 95).

Жанр росписи пути предполагает в качестве основного типа речи повествование, но оно имеет в этих текстах особое выражение. С одной стороны, повествовательная линия передается здесь классическим образом – глаголами движения, восприятия, речи и подобными в форме прошедшего времени: *Бежало де судно велико снизу, а на том де судне высоко нивесть што бело, да набежало де на песок, так де ево и розбило* (ТР, с. 84); *А как они приехали блиско города, и их из города встретил того города воевода* (РР, с. 93); *Да в том же городе видели попугаев и павы* (МР, с. 89); *Да роспрашивали мы у посольского дьяка про великую реку Обь, и он нам сказал: Оби де мы большие реки не слыхали и не знаем* (МР, с. 90); и *увидели его за днище* (РР, с. 94). Но более обычна для наших памятников форма изложения в настоящем времени: *А как солнышко за лес сядет, и караульщики ис трех пищалей выстрелят трежды зушно, да станут бить по литаврам, биют часа ночи три, да перестанут бить, да опять выстрилят трожды на утряной зоре, а города не отпирают часов до шти дни* (ТР, с. 81). Или: *А куды воевода поедет Санчак, и над ним держат солничник, тафта желтая* (МР, с. 88). Или: *А из многих государств приезжают торговать со многими со всякими товары, и из Бухары и из Железного царя земли, и они торгуют за стеною с китайскими людьми, а в Китайское государство их за стену не пущают* (РР, с. 93).

Повторяемость сообщаемых событий, идущая от глагольного времени, сближает повествование с описанием, как и отглагольные имена, частотные для этой росписи при обозначении перемещения отряда в пространстве и во времени: *А от Абакана до Кимчина 9 дней езду, а от Кимчина до большево озера, где Иван Петров сказывал самоцвет камень, 3 дни езду; а около его 12 дней ходу конем* (МР, с. 85). Имена собственные (топонимы, антропонимы), числительные придают тексту документальность, подчеркивают подлинность сообщаемых фактов. Этому же служат включения чужой речи: *И мы у китайских людей роспрашивали: для чего та стена делана от моря и до Бухар и башни стоят на стене часто? И китайские люди нам сказывали, та де стена ведена от моря и до Бухар потому, что земли – одна земля Мугальская, а другая Китайская, и то промеж землями рубеж, а башни де потому часто стоят на стене – как де придут какие воинские люди под рубеж, и мы де на тех башнях зажигаем огонь, чтоб люди наши сходилися по местом, чье где место по стене и по башням* (МР, с. 87).

Жанр не предполагает включения в текст рассуждения, поэтому оно здесь представлено лишь редчайшими вкраплениями в текст: *А то солгано, что кутуфта умер, да в земле лежал 5 лет, да и опеть ожил, то враки Ивана Петрова: человек де умрет, да как де опеть оживет?* (ТР, с. 80). Или: *А люди в Китайском государстве не воинские: большой их промысл торги сильные. А к бою т[ам] ропливы; сказывали им, что до них не[за]долго взяли у них мугальские люди, пришет оманом, 2 города* (ТР, с. 84). Рефлексии участников миссии по поводу увиденного или услышанного выражаются исключительно выражением чувств: *А украшены полаты розличными краски: не хочетца из полаты вон ити* (ТР, с. 80); *А во храмех у них образцы или болва-*

ны деланы глиняные и вызолочены з головы и до ног сусальным золотом, как и в Мугальской земле; страх от них изымет! (МР, с. 88).

Таким образом, основной тип речи памятников – описание, что обусловливает такое его качество, как номинативность: *А в городе лавки каменные, выкрашены красками всякими и травами выписан[ы]. А товары в лавках всякие, кроме сукон, и каменья дорогово нет, а бархатов и камок, и дорогов, и тафт, и камок на золоте и с медью много всяких цветов, и всяких овощей, сахаров розных, и гвоздики, и корицы, и анису, и яблоков, и арбузов, и дыней, и тыков, и огурцов, и чесноку, и луку, и ретьки, и моркови, и посторнаку, и репы, и капусты, и маку, и мушкату, и фялки, и мильдальных ядер, и ревень есть, а иных овощей мы и не знаем какие* (ТР, с. 81). Список названий тканей по этому источнику продолжают: *атласы, зеньдени, кушаки,* овощей, фруктов, зелени и злаков – *виноградь, вишни, инбирь, кардамон, лимоны, овес, огородные травы, перец, просо, пшеница, пшено сорочинское, рожь, шафран, ярица, ячмень*, камней и минералов – *аспид, жемчуг, ирдени, каменье драгое, магнит, мраморы, самоцвет, серебро, узорочные товары*.

Вполне ожидаемо здесь богато представлена лексика природно-метрическая (*вершина, восток / всток, впасть, выпасть, днище, запад, камень, море, озеро, полдень, полднище, река, север (сивер), солнышко, степь, стрельбище, устье, щель / щиль*), административная (*воевода, воеводить, голдовать, голова, государство, грамота, дары, дьяк, земля, землица, князь, кня(г)иня, кочевье, печать, подьячий, поминки, посольский двор, послы, прописка / пропись, разбой, рубеж, сажать на кол, тайша, указывать, тать, татьба, тюрьма, улус, царица, царство, царь* и др.), военного дела (*алебарда* (*колобард*), *воеваться, воин, воинские люди, воинское дело, караул, караульщик, мелкое оружье, пищаль, протазан, пушка, стрелец, ядро*) и градостроения (*башня, ворота, город, домы, избы, кабак, класть (кладен), кремль, кровли, крыть, лавки, палаты, подволоки, подзоры, ограда, ряд, стена, украшенье, улица, устроенье* и др.).

Публикация наших памятников по правилам исторического издания отказывает в праве исследовать фонетику и графику текстов, но вполне допускает работу лингвистов с лексическим составом и грамматикой документов. Небольшой по объему источник весьма представителен в Сл. РЯ XI–XVII вв. [10], что свидетельствует о его лексической содержательности. Так, из отчета вошли в иллюстративную часть словарных статей лексемы ЗУЧНЫЙ (ЗУШНО) (т. 6, с. 70), ИРБИЗ (т. 6, с. 248), КАТЫРЬ (т. 7, с. 93), ЛАБА (ЛОБА) и ЛАБАЗНЯ (ЛОБАЗНА) (т. 8, с. 156), ЛЯН (т. 8, с. 169), МУДРОСТЬ (т. 9, с. 298), ОТСКОЧИТЬ (т. 14, с. 30), ПАСТЕРНАКЪ (ПОСТОРНАКЪ) (т. 14, с. 162), ПРОДРАТЬСЯ (т. 20, с. 123), ПРОСТОЙНЫЙ (т. 20, с. 235), СОЛНЫШКО (т. 26, с. 131) и др., причем для ряда слов (или отдельных их значений) контексты из нашего источника единственные: БАТОЖНИКЪ (т. 1, с. 79), ИШАЧИШКО (ИШЕЧИШКО) (т. 6, с. 358), ЛАБИНСКИЙ (ЛОБИНСКИЙ) (т. 8, с. 156), МУДРЕНЫЙ (т. 9, с. 294), ПОБЛЯДУШКА (т. 15, с. 130), САМОЦВѢТЪ (т. 23, с. 53) и др. Список последних мог бы быть продолжен за счет единиц, не вошедших в указанный словарь, поскольку в его картотеку первоначально вошли только материалы ТР, опубликованные

Ф.И. Покровским [11. С. 341]. Хотя наш источник там тоже указан [11. С. 361], нам не удалось обнаружить в словаре контекстов из него.

Так, словник Сл. РЯ XI–XVII вв. может быть пополнен за счет ряда единиц, в числе которых ИДОЛОПОКЛОНСТВО (*А молятся <…> а знать, что идолопоклонство*: РР, с. 93), ИРДЕНИ (ИРДЕНИЯТ): (*А другой де есть ирдени, от нево вода роступаетца*: ТР, с. 84; *а другой камень ирденият, и как де покинем в воду, и от него вода розступается*: МР, с. 90). Например, в словаре отмечены устойчивые выражения НА КОНЬ СѢСТИ (ВСѢСТИ, ВЪЗСѢСТИ) – ‘пойти походом’ (т. 7, с. 287) и СБИРАТИСЯ СЪ ЛЮДЬМИ – ‘собирать войско’ (т. 23, с. 73), а в документах встретилось СБИРАТЬСЯ НА КОНЬ – контаминационное по структуре и значению (*Збираютца на конь со сто тысеч, опричь колмаков*: РР, с. 93). ОСЕРЕДИ дается только как предлог с род. п. (т. 13, с. 86), в нашем же материале это наречие: *А осереди в городе город же кремль зделан в камени магните, тут сам царь Албул живет* (РР, с. 94). Или: у МУХОМОРЫЙ, МУХОРТЫЙ указано значение ‘с желтоватыми или белесоватыми подпалинами у морды (о лошади)’ (т. 9, с. 317), что может быть дополнено контекстом с другой формой и значением (оттенком значения) прилагательного: *А люди де <...> и мухомуроваты и не чисты в лице* (РР, с. 94). В статье ВОЛЯ (т. 3, с. 18), наряду с существительным толкуется ряд предложно-падежных сочетаний, в том числе: ИЗЪ ВОЛИ, ПО ВОЛЕ, ВОЛЕЮ – ‘по желанию, добровольно’, что может быть дополнено ДО ВОЛИ – ‘в достаточном количестве, сколько требуется’: *Стояли на посольском дворе, и корм им был доволе и питья много* (РР, с. 95).

Работа с текстом, а не с разрозненными отрывками из него, представленными в картотеке, позволяет уточнить ряд статей Сл. РЯ XI–XVII вв., принципами которого оговорено, что его составители стремятся дать в иллюстративной части первую и последнюю фиксацию слова в памятниках данного периода. В связи с этим наш источник может служить свидетельством более раннего бытования слов АСПИДЪ[2] (т. 1, с. 55), ЗАГОРОДА$_1$ (т. 5, с. 173), ПРИПАДЫВАТИ (т. 19, с. 24), СТОРГОВАТИ (т. 28, с. 95) и др., более позднего – у слов ВОЕВОДИТЬ (т. 2, с. 262), ГВОЗДЬЕ (ГВОЗДИЕ) (т. 4, с. 15), ИЗЫМАТИ[1] (т. 6, с. 216), ПОСТРИГАТИСЯ (т. 17, с. 238) и др.

Номинативное варьирование, понимаемое как обозначение одного и того же содержания разными лексическими средствами, представлено в наших текстах достаточно широко в силу существования отчета в ряде документальных жанров, а росписи еще и в двух списках. Оно представлено в них лексической синонимией и формальным варьированием слов. Так, первое явление отражают, например, такие разночтения в памятниках: *неизреченное диво* (ТР, 80) / *неизреченное чудо* (МР, с. 86); *а кругом тово озера 12 ден езду конем* (ТР, с. 79) / *а около его 12 дней ходу конем* (МР, с. 85); *а как солнышко за лес сядет* (ТР, с. 81) / *а как солнце за лес закатится* (МР, с. 87); *лобазны с харчами и кабаки* (ТР, с. 81) / *и харчевни и кабаки* (МР, с. 87); *а людей в том городе тех городов сильние и узорочья всяково <...> много* (ТР, с. 82) / *а людей в том городе прежних городов больши и узорочных товаров <...> много* (МР, с. 88). Особенно заметны в памятниках однокорневые синонимы, по-другому – словообразовательные варианты: *а ярыжных и поблядушек по ка-*

бакам много (ТР, с. 81) / *а ярыжек и блядок много* (МР, с. 87) / *а на кабакех де есть голыши и бляди* (РР, с. 94); *а за <…> проп[и]сь руки секут* (ТР, с. 81) / *а за прописку руки секут* (МР, с. 87).

Е.Н. Полякова, говоря о значимости исследования синонимии в языке старорусского периода, отмечала, что «характеристика синонимов особенно важна при изучении процессов, происходящих в языке деловых памятников: взаимодействия лексики разных пластов, сдвигов в значениях слов, в их употреблении» [12. С. 24), с чем нельзя не согласиться. Например, оно помогло выявить новое значение у слова МУДРОСТВО, у которого в словаре их отмечено два: 1. Рассудок, ум; 2. Ложная мудрость, лженаука. Ср.: *Город … украшен всякими узорочьи и мудростьми* (ТР, с. 82) / *украшен де всякими узорочьи и мудроствами* (ТР, с. 83). Данный пример позволяет соотнести МУДРОСТВО с 6-м значением слова МУДРОСТЬ, где приведен наш первый контекст: произведение искусства’ (т. 9, с. 298), и даже, возможно, оспорить его, поскольку украшаться город может не только ими, но и разными техническими устройствами – водостоками, подъемниками, фонтанами, а также парками и садами.

Можно также утверждать, что именно номинативное варьирование позволяет говорить об индивидуальных лексических пристрастиях лиц, ведущих записи отчетов. Как уже указывалось, дьяк МР тяготеет к церковнославянизмам, а, например, исполнитель записей РР очень любит одно тавтологическое выражение и употребляет его в разных видах: *А людей добрые множеством много*; *а в лавках товаров всяких узорчных много множество*; *и овощей много множеством*; *и на городе народу больши того многое множество* (с. 94). В первой росписи это сочетание вообще не встречается, во второй – однажды, и в ТР в этом случае употребляется другой фразеологизм: *Башням, сказывают, и числа нет* (ТР, с. 81) / *сказывают, башен многое множество* (МР, с. 87). Например, в выборе производных предлогов пристрастия писцов выражаются следующим образом[1]:

Значение предлога	ТР	МР	РР
‘между’	промежу (8) / промеж (1), род. п.	промеж (3), род. п. / промеж (4), тв. п.	
‘вокруг’	кругом (11), род. п.	кругом (5) / круг (2) / около (1), род. п.	круг (4), род. п.
‘кроме’	окроме (1) / кроме (1), род. п.	кроме (1), род. п.	опричь (3), род. п.
‘против, напротив’	противо (1), род. п.	против (2), род. п.	против (2), род. п.
‘в середине, в центре’	посередь (1), род. п. середи (1), род. п.	посреде (1), род.п. середи (1), род. п.	осереди (1), нар.
‘по сторонам’	посторонь (1), род. п.	постороне (1), род. п.	

Как уже можно понять из процитированного материала, источникам свойственно и грамматическое варьирование. Так, наши памятники подтверждают неустойчивость для языка этого времени форм именных и местоименного склонений: *у тое де… реки / из-за той реки* (СР, с. 84); *пустил к собе /… пустил к себе* (МР, с. 89); *в воротех / на ишаках* (СП, с. 92); *и скоту много*

[1] Цифры после предлогов указывают на количество словоупотреблений.

/ *и скота много* (РР, с. 93). Наиболее интересно в данных памятниках отразилось взаимовлияние склонений *-ŏ и *-ŭ при сложении парадигмы слов муж. рода неодушевленных, проиллюстрированное последним примером. Так, в ТР флексию -у в род. п. имеют: 1) отглагольные существительные с семантикой действия (*езд* – 14 словоупотреблений, *ход* – 4, *приезд* – 4, *приход*); 2) имена с семантикой ориентации в пространстве (*восток* (*востук*) – 4, *запад, север* (*сивер), низ*); 3) топонимы (*Китай, Крым, Яр*); 4) вещественные (*анис, лук, мак, мушкат, пасторнак. хмель, чеснок*), 5) другие (*огонь, плод, род, товар, харч*) – всего 23 имени, 42 словоупотребления. Структурно это одно- или двусложные слова, исключая *пасторнак*. Данная флексия в предл. п. зафиксирована лишь у двух слов: *во храму* (с. 80), *на верху* (с. 82). Окончание -а в род. п. встретилось у следующих 15 неодушевленных имен: *Абакан, август, болван, город, двор, Кимчик, литник, месяц, пуд, рубеж, рубль, улус, ус, хлеб, час*, общее количество словоупотреблений – 58, что объясняется частотностью слов *город* и *улус* в этом тексте. В большинстве случаев существительные характеризуются последовательностью в образовании этих словоформ, см.: *ис Китаю* (с. 82), *до Китаю, от Китаю* (с. 83), но: *до рубежа, у рубежа* (с. 81), *от рубежа* (с. 83), два слова допускают варьирование форм: *2 храма* (с. 80) */ на сооружение храму* (с. 83), *промежу встоку и сивера* (с. 79) / *промежу северу и встоку* (с. 84). Незавершенность сложения парадигмы мужского склонения являют также формы типа *2 дни* (с. 79), *с полудни* (с. 84). В МР грамматическое варьирование в этом падеже показывают формы *до Яру* / *до Яра-города* (с. 88); *2 дни* / *за 2 дня* (с. 85), устойчивость в употреблении флексии -у обнаруживают лишь отглагольные и вещественные имена, да и то не все. Ср.: *из хлеба* (с. 86), *до Китая* (с. 89), *без огня* (с. 86), *сооружение храма* (с. 89).

Еще большую неустойчивость в памятниках демонстрируют формы мн. числа именного склонения. Синонимичные окончания в это время были возможны у существительных во всех падежах, особенно это касается имен неженского рода. Так называемая женская парадигма, по которой шла унификация форм этого числа, также могла испытывать влияние форм склонения на -ŏ, что вело к появлению форм типа *с грамоты, в дачех*, параллельных исконным *с грамотами, в дачах*. Так, в ТР отмечен следующий параллелизм форм: *имя городем / по всем городам* (с. 79), *к Бухарам / к Бухаром* (с. 81), *с краски* (с. 80) / *красками* (с. 81), *на воротех / в воротях* (с. 82). В МР встретилось: *с протазаны* (с. 87) / *с поротазанами* (с. 89), *на башнех* (с. 89) / *на башнях* (с. 87), *по городом* (с. 89) / *имяна городам* (с. 85), *всякими образцы* (с. 86) / *образцами кирпичными* (с. 88). При этом списки различаются формами: *мугалов* (с. 79, 83), *по концом* (с. 81), *ден* (с. 79), *с овощами* (с. 83) – ТР, *мугал* (с. 87, 89, 90), *по концам* (с. 87), *дней* (с. 85)), *овощьми* (с. 89) – МР. Пестроту форм и очевидную непоследовательность в употреблении флексий мн. числа отражают следующие подсчеты: в род. п. исконными являются окончания в 51 словоформе, неисконными – в 36, в дат. п. – 13 и 19, твор. п. – 29 и 12, предл. п. – 14 и 6 – соответственно (для ТР). Данные новообразования суть свидетельства необратимости изменения в склонении слов неженского рода.

В продолжение грамматической тематики может быть рассмотрен синтаксис отчетов, яркой чертой которого является параллелизм в построении

предложений, в чем можно увидеть продолжение традиций русского летописания: *А от царя Алтына итти до улуса 5 ден, улус зовут Алгунат, а князь в нем Тормошин. А от Тормошина улуса ехати до улуса 5 ден Чекуркушу, а князь в нем Каракула. А от Каракулина улуса ехати до улуса 5 ден, а [у]лус зов[у]т Сулдус, а в нем царь Часакты. А от царя Часакты ехати до улуса 5 ден, а [у]лус зов[у]т Бисут, а в нем князь Чичен. А от Чиченева ехати до улуса 5 ден, а [у]лус зов[у]т Илчигин, а в нем князь Тайчин-Черекту* (ТР, с. 79). Как следствие параллелизма наблюдается союзное нанизывание, структурное несовершенство которого отмечал М.В. Ломоносов в «Риторике»: «Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи соединяются, и так подобны они гвоздям или клею, которыми части какой махины сплочены или склеены бывают. И как те махины, в которых меньше клею и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, нежели те, в которых споев и склеек много, так и слово [предложение] важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше» [13. С. 376 – 377].

Здесь же ученый подчеркивал: «Однако не должно в нем [предложении] оставлять таких щелей, по которым бы оно могло вовсе развалиться» [с. 377], что обращает исследовательский интерес к средствам связи в сложных предложениях. Данная тема может стать самостоятельным предметом анализа, заметим лишь, что самым частотным в отчете И. Петлина является союз А в присоединительно-начинательном значении – одиночный или же в составе двойных союзов. При этом условно-следственные отношения выражаются не только А…, ИНО, как это отмечено в [9. Т. 6. С. 237], но и И…, ИНО, ДА…, ИНО, А БУДЕТ…, ИНО: *И в китайские городы будет от нее грамота, и печать ее хто привезет к рубежу, ино за рубеж и пустят в Китайскую землю, а грамоты от нее нет с печатью, ино от роду за рубеж в Китайскую землю не пустят* (ТР, с. 79); *Да поедешь как к рубежу и покажешь стражем грамоту и печать, ино пропустят за рубеж в Китайскую землю, а будет нет от нея грамоты с печатью, ино никакова в Китайскую землю не пропустят за рубеж* (МР, с. 85). Подобное употребление сочинительных союзов вкупе с подчинительными рассматривается как ранние способы выражения подчинительных отношений.

Один из подсказываемых содержанием текстов аспект изучения – восприятие чужеземной культуры глазами русского человека, который лишь намечается в современных исследованиях [14]. Как пишут издатели «Путешествия стольника П.А. Толстого по Европе», «каждое произведение путевой литературы – это новое открытие мира, заново прочтенная и по-своему интерпретированная книга жизни» [15. С. 291]. Так, Т.В. Володина предлагает видеть в после П.И. Потемкине «человека, открытого пока еще чуждому, но интригующе-прекрасному миру, жадно впитывающего все полезное для России, пытающегося найти адекватные словесные формы для бесконечно разнообразных впечатлений» [16. С. 81]. Или замечание другого исследователя: «Для нас небезынтересно все же узнать, какими конкретно терминами описывает П.А. Толстой готическую архитектуру» [17]. Интересно, что процитированные работы созданы не лингвистами, но сделанные в них замечания ориентируют языковедов на изучение лингвокультурологической (у́же –

ономасиологической) проблематики выявления сфер именования, средств и способов номинации чужого, незнакомого мира.

Будучи человеком служилым, И. Петлин интересуется прежде всего вооружением, системой обороны городов, которые он проезжал с отрядом: *А на той стене для въезду и выезду ис Китайского государства всего пятеры ворота, да и те уски, одва мочно человеку на лошеди проехать. А у ворот стоят у всяких головы и стрельцы и многие люди, и по воротам набаты и литавры и протазаны, налаберщики. А по воротам стоят пушки большие, ядра больши человечьи головы, а ружья мелково много* (РР, с. 93); *А людей в Китайском государстве торговых и воинских множество. А бой у них огнянной. А люди китайские к воинскому делу робливы; а воюются они с мугалы з желтыми, а у мугал бой лучной* (МР, с. 90). В его отчете нашли отражение и разные стороны азиатского быта: *А вино курят в Мугальской земле из хлеба без хмелю*»; «*а сапоги носят своим образцом, а лошадей добрых нет, а катырей, ишечишков много* (МР, с. 86); *…а тюрьмы каменные стоят по рядом, а за татьбу у них вешают, а за разбой на кол сажают и головы секут* (МР, с. 87); *…а платье носят своим обрасцом: рукава широки, что у литника, а под-ысподом полукафтанье по нашему* (ТР, с. 84); *…а грамота у них есть, по своему пишут против себя в одну строку* (РР, с. 93); *…а посольские дворы за городом, каменные; а колодези кладеные каменем серым, а на верху у колодезя кругом обито медью колокольною* (ТР, с. 82). Подобные описательные номинации возможны, когда казак наблюдал новизну для себя лишь во внешнем оформлении предметного мира, суть которого ему была понятна.

Другой тип познания чужой действительности – через сравнение с родной И. Петлину культурой (по крайней мере, знакомой): *А ямы у них так же, что у нас*; *…а набаты у них, что наши бочки* (ТР, с. 82); *…а ямы у них по дороги, что в Руси* (МР, с. 88); *…а у ворот у городовых испод тако ж, что в русских городех* (МР, с. 86); *…а башн[и] так же, что московские, высоки* (ТР, с. 81); *…а у чернецов их маната, что руские ж, збором, а клобуки желтые* (РР, с. 93); *…а орют плугом, сохи, так же, что у тобольских тотар* (ТР, с. 80) и др. Номинации сравнительного типа дополняются переводными (сопоставительными), которых немного в наших текстах: *А кутуфта у них – то по нашему патриарх, а у них кутуфта* (ТР, с. 80); *…да по их языку лобы, то у них старцы* (МР, с. 86); *…а по нашему рубль, а по их лян* (МР, с. 89); *…а Лабинская земля по нашему словет: молитвенные люди, а кутухты – патриархи* (РР, с. 93); *…а говорят так: «ок, ок», а по руски то: «беги, беги»* (МР, с. 89); *Да нам же сказал в роспросе китайской подьячей бичечи…* (ТР, с. 84); *…а другие ирдени есть, что вода отступаетца, а по руски каменье драгое* (РР, с. 95).

При столкновении же с необычным, непонятным И. Петлин легко признается в незнании, демонстрируя тем самым лакуны в своем лексиконе: *Стоят на храмех нивисть какие звири каменные* (ТР, с. 80); *…и иных семен всяких много, только мы не знаем*»; «*стоят на них звери каменные, неведомо какие* (МР, с. 86). Как уже отмечалось, описание порой заменяется выражением эмоций от увиденного: *А во храмех у них образы деланы глиняные да вызолочены з головы и до ног сусальным золотом, страсти от них возьмут*»; «*страх велик человека возьмет – неизреченно диво во храмех*; *…а в ряд вой-*

дешь, ино манне уподоб[иш]ся (ТР, с. 82); *…итти щелью промеж камени: страсти человека изымут* (МР, с. 85). Сравниваются в текстах и общие впечатления от городов: *И тот город первого города краше и хорошее* (МР, с. 88); *…и в городе устроенье всех городов больши и сильнее* (РР, с. 94).

Основное содержание в посольских отчетах, называемых статейными списками, занимают описания деятельности членов миссии при иноземном дворе, чего нет в наших текстах, поскольку И. Петлин, не являющийся посланником в «дипломатическом» значении этого слова, не был допущен к правителю Китая: *А мы у царя Тайбуна не были и царя не видели потому, что итти ко царю не с чем. А у нас де в Китайском государстве чин таков: без поминков перед царя нашево Тайбуна не ходят. Хотя бы де с вами, с первыми послами, царь Белой послал нашему царю Тайбуну что невеликое: не то дорого, что поминки, то дорого, что Белой царь ко царю дары послал, ино бы де и наш царь вашему царю [с] своими послами противо так же послал, да и вас бы де, послов, пожаловал да отпустил и на очи бы де свои пустил* (ТР, с. 83). Но он блестяще справился с порученной ему задачей (*…посланы они из Сибирского государства проведывать про великое Китайское государство* – РР, с. 95), развеяв бытующий в Москве миф о расположении Китая близ истоков Оби. Более того, И. Петлину удалось установить контакты между нашими странами – он получил царскую грамоту, разрешающую торговлю между русскими и китайцами. Не его вина, что в России не нашли переводчика с китайского и грамота была похоронена на долгое время среди архивных документов.

Все сказанное позволяет назвать отчет И. Петлина о поездке в Китай весьма перспективным материалом, подсказавшим выявленной в нем лингвистической содержательностью направления возможных исследований. Представленный рядом жанров деловой письменности конца старорусского периода, он относится к печатным, объективно сложившимся первичным источникам. Лингвистическая ценность памятников обусловлена их содержанием: описанием новых земель, экзотики юго-восточной культуры, переданным словами томского казака, мало знакомого со стандартами приказного языка и потому отразившего в своем рассказе народно-разговорную речь того времени. Правила исторического издания памятников, служащие целям оптимизации восприятия древних текстов (упрощенная графика, введение знаков препинания, замена числобукв на цифры), снижают лингвистическую информационность источников. Одновременно тот факт, что отчет представлен в списках и разножанровых редакциях текста, существенным образом повышает ее. Широкие рамки лексико-грамматической, стилистико-речеведческой, лингвоперсонологической, собственно источниковедческой и другой исследовательской тематики, диктуемой этим материалом, допускают также постановку и решение иных задач, не обозначенных в настоящей работе.

Литература

1. *Старикова Г.Н.* Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1(33). С. 51–65.

2. *Рогожин Н.М., Богуславский А.А.* Посольские книги России конца XV – начала XVIII вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.orientalistica.ru/resour/psd/index.htm (версия 2007 г.).

3. *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1954. С. 319–346.

4. *Сабенина А.М.* Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII в. (по материалам статейных списков русских послов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 16 с.

5. *Мальцева И.М.* Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы (к постановке вопроса) // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 130–150.

6. *Никитин О.В.* Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилеобразующие средства) // НДВШ. Филол. науки. 2005, №1. С. 81–89.

7. *Оглоблин Н.* Сибирские дипломаты XVII века: (Посольские «статейные списки») // Ист. вестн. (ист.-лит. журн.). 1891. № 10. С. 156–171.

8. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука, 1966. 160 с.

9. *Русско-китайские* отношения в XVII в.: Материалы и документы / под ред. В.С. Мясникова. М.: Наука, 1969. Т. 1: 1608–1683. 612 с.

10. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2008. Т. 1–28.

11. *Словарь* русского языка XI–XVII вв.: справоч. вып. М.: Наука, 2004. 814 с.

12. *Полякова Е.Н.* Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1979. 102 с.

13. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л., 1952. С. 89–378.

14. *Слугина О.А.* Номинативные сферы в обозначении неизвестного как проявление личностного начала (на материале статейных списков XVII в.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9: Филология. С. 40–44.

15. *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* «Умнейшая голова в России…» // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992. С. 251–291.

16. *Володина Т.В.* Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П.И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2003. № 24. С. 75–81.

17. *Хачатуров С.В.* Готическое архитектурное наследие в путевых записках петровского времени [Электронный ресурс]. URL: http://www.archi.ru/files/publications/virtual/hachaturov.htm (дата обращения: 12.12.2014).

IVAN PETLIN'S REPORT ABOUT HIS TRIP TO CHINA AS A LINGUISTIC SOURCE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 2(34), pp. 71–85. DOI 10.17223/19986645/34/7

Starikova Galina N., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@ yandex.ru

Keywords: study of linguistic sources, emissaries' accounts, "prikaz" language, linguistic richness of content, Russian language history.

The end of the 16th – 17th centuries is a period of active commercial and diplomatic contact development of Russia with Asian countries including China. In 1618 a small cossack detachment headed by Ivan Petlin was sent there from Tomsk. His trip account was the first reliable document about the Russians' visit to China, it enriched the world science with geographical and ethnographic data about that country. Already in the 17th c. it was translated into some European languages and included into G. Milton's "The Treatise about Moscowia". In 1969 the full set of documents concerning that mission was published in the collection *Russian-Chinese Relations* for the first time.

Three versions of the report and "skazka" ("tale") of civil people contain the main information about the trip. It is a narration about the detachment's way from Tomsk to Great China (Beijing), a description of the Russian mission stay in the capital. The businesslike laconism of the document is combined with the lively natural speech of a Siberian cossack in the text, which makes it an informative source for different aspects of linguistic investigations. One of the most perspective subjects with this material is the perception of a foreign culture by a Russian. These texts have both detailed descriptions of foreign things, direct indications about the impossibility to name them in Russian ("I don't know their names"), expression of the general emotional impression ("astonishing wonder", "it is frightening").

A widespread way of nomination is comparison ("like we have", "in the Russian way"), sometimes there is a translation ("it is 'ruble' in Russian and 'liang' in Chinese").

The report vocabulary is interesting, it adds a number of lexical units to *The Russian Dictionary of 11-17th cc.*, for example, *idolopoklonstvo* ('idolatry'), *irdeni* (a precious stone) etc., elaborates on the meaning and time of existing of some words. Military, administrative, nature, everyday words are represented most completely. The variants of the report texts allow to study the synonymy of the expressive methods of the 17th c. Russian: chudo – divo ('miracle – wonder'), tsar' – khan ('czar – khan'), mnogo – net chisla (a lot – endless), etc. Our manuscripts demonstrate the variation of the language of the time in the declinations of nouns and pronouns, the interaction of the types of singular noun declinations and the unification of declinations in the plural. The transitional condition of the Russian syntax system is illustrated by compound sentences in which condition and consecutive relations are expressed by the combination of coordinative conjunctions with the subordinative ones: *a . . . ino, i . . . ino, da . . . ino*.

References

1. Starikova G.N. Emissaries' accounts of the 17th century: variety of genres, linguistic richness of content. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2015, no. 1(33), pp. 51–65. (In Russian).

2. Rogozhin N.M., Boguslavskiy A.A. *Posol'skie knigi Rossii kontsa XV – nachala XVIII vv.* [Ambassadorial books of Russia in the late 15th – early 18th centuries]. Available from: http://www.orientalistica.ru/resour/psd/index.htm.

3. Likhachev D.S. *Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury* [Tale of Russian ambassadors as monuments of literature]. In: Likhachev D.S. (ed.) *Puteshestviya russkikh poslov XVI – XVII vv.: Stateynye spiski* [Travels of Russian ambassadors in the 16th – 17th centuries: Reports]. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1954, pp. 319–346.

4. Sabenina A.M. *Leksika sfery diplomaticheskikh otnosheniy v russkom yazyke XVII v. (po materialam stateynykh spiskov russkikh poslov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Vocabulary of diplomatic relations in the 17th-century Russian language by diplomatic reports of Russian ambassadors. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1971. 16 p.

5. Mal'tseva I.M. *Zapiski puteshestviy XVIII veka kak istochnik literaturnogo yazyka i yazyka khudozhestvennoy literatury (k postanovke voprosa)* [Notes of travels of the 18th century as a source of literary language and the language of literature (on the question)]. In: *Yazyk russkikh pisateley XVIII veka* [The language of Russian writers of the 18th century]. Leningrad: Nauka Publ., 1981, pp. 130–150.

6. Nikitin O.V. Delovoy yazyk russkoy diplomatii XVI–XVII vv. (formal'nye i stileobrazuyushchie sredstva) [Business language of Russian diplomacy in the 16th – 17th centuries. (formal and stylistic devices)]. *NDVSh. Filologicheskie nauki*, 2005, no. 1, pp. 8–89.

7. Ogloblin N. Sibirskie diplomaty XVII veka (Posol'skie "stateynye spiski") [Siberian diplomats of the 17th century (Emissaries' reports)]. *Istoricheskiy vestnik*, 1891, no. 10, pp. 156–171.

8. Demidova N.F., Myasnikov V.S. *Pervye russkie diplomaty v Kitae ("Rospis'" I. Petlina i stateynyy spisok F.I. Baykova)* [The first Russian diplomats in China ("Depiction" by Ivan Petlin and report by F.I. Baykov)]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 160 p.

9. Myasnikov V.S. (ed.) *Russko–kitayskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the 17th century: Materials and documents]. Moscow: Nauka Publ., 1969. Vol.1, 612 p.

10. *Slovar' russkogo yazyka XI XVII vv., tt. 1–28* [Dictionary of the Russian language of 11th – 17th centuries. Vols. 1–28]. Moscow: Nauka Publ., 1975–2008.

11. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Spravochnyy vypusk* [Dictionary of the Russian language of 11th – 17th centuries. Reference edition]. Moscow: Nauka Publ., 2004. 814 p.

12. Polyakova E.N. *Leksika mestnykh delovykh pamyatnikov XVII nachala XVIII veka i printsipy ee izucheniya* [Lexicon of local business written monuments of the 17th and early 18th centuries and principles of the study]. Perm: Perm State University Publ., 1979. 102 p.

13. Lomonosov M.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 11 t.* [Complete Works. In 11 vols.]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1952. Vol. 7, pp. 89–378.

14. Slugina O.A. Nominative area in designation of unknown objects as a personality's manifestation (on the material of "stateiny spiski" of XVII century). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2011, vol.10, no. 9, pp. 40–44. (In Russian).

15. Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. *"Umneyshaya golova v Rossii…"* ["The cleverest mind in Russia . . . "]. In: Tolstoy P.A. *Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope. 1697–1699* [A journey of steward P.A. Tolstoy in Europe. 1697–1699]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 251–291.

16. Volodina T.V. Russkiy chelovek v Zapadnoy Evrope (po materialam "Stateynogo spiska" P.I. Potemkina i "Zhurnala" Kato [Russian person in Western Europe (based on the Report by P.I. Potemkin and the Journal by Kato]. *Vestnik NovGU – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University***,** 2003, no. 24, pp. 75–81.

17. Khachaturov S.V. *Goticheskoe arkhitekturnoe nasledie v putevykh zapiskakh petrovskogo vremeni* [Gothic architectural heritage in the travel notes of Peter's time]. Available from: http://www.archi.ru/files/publications/virtual/hachaturov.htm. (Accessed: 12th December 2014).